

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

ХАРАППСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И «АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА»

Успехи современной археологии, истории и лингвистики заставляют внести существенные коррективы во многие ставшие уже традиционными представления о развитии древнеиндийской истории и культуры и отказаться от ряда выводов, которые считались окончательными и непоколебимыми.

За 40 лет, прошедших с начала раскопок индийских археологов Р. Банерджи в Мохенджо-Даро и Рай Бахадур Дайя Рам Сахни в Хараппе, накопился обширный материал, позволяющий воссоздать многие черты одной из величайших цивилизаций древнего мира.

Археологические исследования показали, что уже в III тысячелетии до н. э. в долине Инда и прилегающих областях существовала единая (а не единообразная) культура (условно называемая «хараппской»), процветали большие города, построенные по разработанной планировочной схеме, с развитой системой благоустройства, ведущие оживленную сухопутную и морскую торговлю (в том числе и зарубежную), с письменностью, с высокоразвитым ремесленным производством и т. д.

Однако многие вопросы происхождения хараппской культуры, ее внутреннего развития, хронологии, антропологического облика ее создателей и, наконец, времени упадка городов долины Инда до сих пор еще нельзя считать окончательно решенными.

Нет единого мнения, например, по вопросу о происхождении хараппской культуры. Археологические исследования последних лет позволяют поставить вопрос о вызревании хараппской культуры на местной основе в результате внутреннего развития местных доарийских культур, а изучение древних культур Синда и Белуджистана показывает, что в дохараппский и раннехараппский периоды указанные районы составляли область близких друг другу оседлых земледельческих культур расписной керамики, отличающихся местными особенностями¹.

Э. Маккей обнаружил в нижних слоях Мохенджо-Даро обломки керамики белуджистанских типов², а М. Уилер при раскопках строительных комплексов в Хараппе нашел фрагменты керамики типа Зхоб (Рана Гхундай II—III) в слоях, предшествующих городским укреплениям³.

¹ Эта область может быть территориально расширена за счет некоторых районов Афганистана, Ирана и Средней Азии, связи которых с долиной Инда совершенно очевидны и хорошо прослеживаются на археологическом материале. См.: В. М. Массон, Древнеземледельческие племена Ю. Туркменистана и их связи с Ираном и Индией, «Вестник древней истории», 1957, № 1; D. H. Gordon, Sialk, Giyan, Hissar and the Indo-Iranian connection, «Man in India», 1947, т. 27, № 3, его же, The Prehistoric cultures of the Zhab and the Indo-Iranian connection, «Man», 1948, т. 48, № 54—74; его же, The Pottery Industries of the Indo-Iranian Border: Re-statement and Tentative chronology, «Ancient India», 1954—1955, т. 10—11; J. M. Casal, Mundigak as a link between Pakistan and Iran in prehistory, «Journal of the Asiatic Society of Pakistan», 1957, т. 2.

² E. J. H. Mackay, Further Excavations at Mohenjo-Daro, Delhi, 1937, т. 2.

³ M. Wheeler, Harappa, 1946: The Defences and Cemetery R 37, «Ancient India», 1947, № 3, стр. 91 и сл.

На ряде поселений культуры Амри (например, в Гази Шах, Лохри, Панди Вахи и др.) хараппская культура наследует культуре Амри⁴. Особенно значительное сходство прослеживается между культурами расписной керамики Синда и Белуджистана и культурой сельских поселений хараппской цивилизации.

Если вопрос о возникновении хараппской культуры из культуры типа Амри и близких ей культур еще требует дальнейшей разработки и их прямое генетическое родство еще вряд ли можно признать установленным, то наличие тесных связей хараппской цивилизации с древними земледельческими культурами расписной керамики Синда, Белуджистана и прилегающих районов и определенная преемственность традиций не вызывает сомнений, хотя хараппская цивилизация представляла собой новый и более высокий этап в развитии местной культуры.

Недавние раскопки в Кот Диджи (недалеко от Хайрпура, Зап. Пакистан) подтверждают вывод о местном развитии хараппской цивилизации, свидетельствуя вместе с тем, что культуры, предшествовавшие городской цивилизации, достигали порой уже довольно высокого уровня⁵.

Работы индийских и пакистанских археологов позволяют подойти к разрешению проблемы сложения городской цивилизации и внутреннего развития хараппской культуры. Открытия последних лет убедительно опровергли распространенное мнение о единообразии и застойном характере хараппской культуры⁶. Теперь можно говорить не только об общих чертах хараппской культуры в целом, но и о своеобразии и особенностях ее отдельных областей и периодов в истории хараппских поселений⁷. Раскопки хараппских поселений в Рангпуре⁸, Лотхале⁹, Прабхас Патане¹⁰ и других местах выявили неизвестные до сих пор черты позднехараппской культуры. Много нового в решение вопроса о сложении городской цивилизации внесли работы М. Уилера в Хараппе (открытие цитадели, нескольких периодов в строительном комплексе, особенностей системы укреплений и т. д.)¹¹. Исследования пакистанских археологов в Мохенджо-Даро¹² позволили проследить здесь прогрессивное развитие хараппской культуры. Новые археологические исследования дают возможность по-новому осветить и некоторые другие проблемы истории хараппской цивилизации.

Один из самых сложных и дискуссионных вопросов, требующий детального разбора, связан с выяснением причин так называемой гибели хараппской цивилизации, времени и «виновников» этого события.

Традиционная точка зрения, разделяемая большинством исследователей, объясняет падение хараппской цивилизации вторжением арийских племен, которые, по их мнению, разрушили ранее цветущие города. Некоторые археологи рассматривают эти события как налет

⁴ S. Piggott, *Prehistoric India*, London, 1950, стр. 93—94.

⁵ См.: F. A. Khan, *Before Mohenjo-Daro: Kot Diji*, «Illustrated London News», 28 мая 1958; H. Mode, *Das Frühe Indien*, Weimar, 1960, стр. 133.

⁶ Приверженцами этого взгляда являются, например, М. Уилер (указ. раб., стр. 81). С. Пиггот (указ. раб., стр. 138), Г. Чайльд (*Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, стр. 182).

⁷ См.: A. Ghosh, *A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology*, «Indologen-Tagung, 1959, Verhandlung in Essen-Bredeney», 1960, стр. 40—51.

⁸ См.: «Indian Archaeology» 1953—1954.

⁹ «Indian Archaeology», 1954—1955, стр. 12; 1955—1956, стр. 6; 1956—1957, стр. 15; 1957—1958, стр. 7—12; 1958—1959, стр. 13—15; K. N. Puri, *Lothal, an Indus Valley site in Saurashtra*, «Indologen-Tagung, 1959, Verhandlung in Essen-Bredeney», стр. 51—57; S. R. Rao, *New Light on Indus Valley Civilization*, «March of India», 1959, XI, № 9, стр. 38.

¹⁰ «Indian Archaeology», 1955—1956, стр. 7; 1956—1957, стр. 16—17.

¹¹ M. Wheeler, *Harappa*, 1946.

¹² F. A. Khan, *Archaeological activities in Pakistan, 1948—1955*, «Annual Bibliography of Indian Archaeology», Leiden, 1958.

арийских пришельцев. М. Уилер, например, рисует ужасную картину грабежа и резни, которые учинили арийцы в индских городах¹³. Согласно Уилеру, под ударами арийских племен разрушается и гибнет замечательная культура индийцев, просуществовавшая в течение многих сотен лет. «По-видимому, имеется достаточно археологических и других свидетельств,— пишет С. Дикшит,— доказывающих, что цивилизация долины Инда была одним взмахом сметена безжалостным и очень могущественным врагом, которого многие из наших предшественников склонны, быть может, справедливо отождествлять с так называемыми «ариями» ... опустошения, нанесенные этими чужеземными захватчиками, ... послужили причиной заката культуры не только в долине Инда, но также в Белуджистане и т. д.»¹⁴. Число подобных высказываний можно было бы значительно увеличить.

Исследователи, как правило, проходят мимо вопросов внутренней жизни хараппских городов в последний период их существования и игнорируют внутренние причины кризиса древних городов долины Инда.

В противоположность традиционной терминологии мы сознательно говорим не о падении и гибели хараппской культуры, а о внутреннем кризисе городов долины Инда, желая этим подчеркнуть, что упадок городских центров — Хараппы и Мохенджо-Даро — вовсе не означал конца культуры в целом, ее одновременного и повсеместного крушения.

Новые исследования хараппской культуры свидетельствуют о необходимости пересмотра существующих схем истории хараппской цивилизации и основных этапов ее развития.

Специального внимания заслуживает изучение последних периодов в истории хараппских городов. Как показывают исследования, в это время в городах происходят серьезные изменения, связанные с началом внутреннего кризиса.

В главных центрах — Хараппе и Мохенджо-Даро — нарушается нормальная городская жизнь, ослабевает муниципальный надзор. Это ясно выражается в планировке города и состоянии городского строительства. В Мохенджо-Даро крохотные домишки вырастают на развалинах пришедших в упадок общественных строений (например, общественного амбара), вторгаются на улицы¹⁵, что не допускалось в «период расцвета». Даже на главных улицах воздвигаются гончарные печи, а вдоль дорог — целые ряды наскоро построенных прилавков¹⁶. В так называемый последний период стены многих зданий, вопреки обычной практике строительства в два кирпича, сооружаются в один кирпич, многие строения просто забрасываются, обширные постройки перестраиваются в мелкие помещения¹⁷. Черты внутреннего упадка ясно выступают и в городском строительстве в Хараппе. Раскопки М. Уилера показали, что в поздний период истории поселения постройки приходят в упадок и вскоре превращаются в развалины¹⁸.

В городах нарушается внутренняя и внешняя торговля, резко уменьшается количество привозных вещей¹⁹, падает ремесленное производство²⁰.

¹³ M. Wheeler, Mohenjo-Daro, «Tamil culture», 1953, т. II, № 1, стр. 24—27; его же, Pakistan four thousand years ago, «Crescent and Green», London, 1955, стр. 22—24.

¹⁴ С. К. Дикшит, Введение в археологию, М., 1960, стр. 351.

¹⁵ F. A. Khan, Archaeological activities in Pakistan.

¹⁶ Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, М., 1951, стр. 61.

¹⁷ S. Piggett, Prehistoric India, стр. 227.

¹⁸ M. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 65.

¹⁹ Раскопки в Саураштре (например, в Лотхале) показали, что в так называемый последний период прочные связи, ранее существовавшие с главными центрами хараппской цивилизации, разрываются, прекращается и зарубежная торговля. См.: S. R. Rao, New Light on Indus Valley Civilization. «March of India», 1959, т. XI, № 9, стр. 3—8.

²⁰ F. Khan, Указ. раб., стр. L.

Упадок главных городов хараппской культуры большинство исследователей объясняло вторжением иноземных племен, отождествляемых, как правило, с арийцами. Однако черты упадка, вызванные глубокими внутренними противоречиями хараппского общества эпохи бронзы, отчетливо проявляются до проникновения в индские города каких-либо значительных групп пришлых племен.

Вывод об упадке хараппских городов до и независимо от непосредственного вторжения иноземных групп подтверждается новыми исследованиями позднихараппских и послехараппских поселений и городов Саураштры и Катхиаварского полуострова. На этих поселениях не прослеживаются следы каких-либо пришлых культур, но видны изменения, связанные с начавшимся внутренним кризисом хараппской культуры.

В Рангпуре²¹, например, непосредственно над слоем с типично хараппской культурой залегал слой, в керамике которого, представленной мелкими сосудами с блестящей красной поверхностью, налицо черты упадка: ухудшились техника и качество изготовления посуды. Сосуды хуже обработаны, хотя техника их изготовления еще непосредственно связана с Хараппой. «Переходный» период, соответствующий этому слою, как показали раскопки, был довольно продолжительным. Совершенно очевидно, что в данном районе упадок культуры Хараппы был обусловлен не вторжением ариев, а внутренними причинами.

Послехараппская культура (позднехалколитическая по терминологии некоторых индийских археологов) датируется карбонным анализом по материалам в Навда Толи примерно 1500—1200 гг. до н. э. Упадок хараппских поселений в Саураштре в основном совпадает, таким образом, с датировкой падения главных центров долины Инда. Район распространения «переходной» послехараппской культуры простирается, по современным данным, от Рангпура на западе до Трипуры на востоке, доходя на юге до Брахмагири²².

Раскопки в Прабхас Патане также позволили проследить развитие местных культур в послехараппскую эпоху, не вскрыв никаких иноземных культур²³. Первый период в истории города ясно распадается на две фазы; ранняя характеризуется грубой керамикой с нарезным орнаментом, близкой к позднихараппской керамике Рангпура, и типичными для энеолита микролитическими пластинами; следующая фаза ознаменована появлением обильного количества расписной керамики. Формы сосудов и характер их росписи свидетельствуют о сочетании традиций позднихараппской керамики с керамикой, роспись которой близка к мотивам на сосудах энеолитических культур Центральной Индии; однако преобладает еще позднихараппская традиция. В следующем периоде, наряду с сохранением некоторых позднихараппских традиций (например, роспись), появляется хорошо лощеная красная керамика. Техника изготовления расписной керамики постепенно ухудшается, сосуды резко уменьшаются в размерах, упрощается орнамент (сосуды расписываются лишь горизонтальными полосами).

Последовательность перехода от культуры развитой Хараппы к поздне- и послехараппским культурам прослеживается и на ряде других поселений Саураштры и Катхиаварского полуострова²⁴.

Особый интерес представляют новые исследования индийских археологов в Лотхале. Город был крупным торговым портом (раскопками открыты специальные доки для судов), ведущим торговлю с зарубежными странами, и имел хорошо спланированную систему городской

²¹ «Indian Archaeology», 1953—1954, стр. 7. О результатах раскопок 1954—1955 гг. см.: Г. М. Бонгард-Левин, Новые археологические исследования в Индийской республике (1954—1955), «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 303.

²² K. N. Puri, Указ. раб., стр. 53.

²³ «Indian Archaeology», 1955—1956, стр. 7; 1956—1957; стр. 16—17.

²⁴ Например, раскопки в Роджди (Саураштра), см.: «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 19—21.

застройки²⁵. Для борьбы с наводнениями была создана отличная дренажная система, построены платформы из кирпича и глины. Раскопки 1953—1959 гг. вскрыли пять периодов в истории города²⁶, в том числе и поселение послехараппского времени. Расцвет Лотхала относится к четвертому периоду, после которого наступает постепенный упадок: каналы для отвода воды строятся плохо, состояние дорог резко ухудшается. Нарушается система водоснабжения и канализации²⁷. Около 1500 г. до н. э. Лотхал подвергся сильному наводнению, но скоро жизнь в городе восстановилась и продолжалась еще около 500 лет. В этот период, т. е. после 1500 г. до н. э., уже не прослеживаются связи с главными центрами²⁸ долины Инда, которые в этот период клонятся к упадку. Таким образом, период внутреннего упадка Лотхала относится к периоду, непосредственно предшествующему 1500 г. до н. э., что хорошо согласуется с датировкой последних этапов жизни индских городов. Никаких пришлых культур в районе Лотхала и его окрестностей не прослеживается.

Результаты археологических исследований в Саураштре и на Катхиаварском полуострове служат особенно убедительным опровержением традиционной точки зрения о гибели хараппской цивилизации под напором мощного потока арийских племен.

В ряде поселений северо-восточной периферии хараппской цивилизации, как и в Саураштре, засвидетельствована видоизмененная форма хараппской культуры, развившаяся здесь независимо от появления каких-либо пришлых племен (работы А. Гхоша). В этой форме хараппская культура продолжает существовать здесь значительно дольше, чем в западных областях хараппской цивилизации и после того, как приходят в упадок ее главные центры на Инде.

Все приведенные материалы определенно свидетельствуют о том, что явные признаки внутреннего упадка хараппской культуры в городах долины Инда появились до прихода иноземных племен, а в ряде районов (Саураштра, Катхиавар) — без всякой, даже временной, связи с этим событием.

Вывод о внутреннем кризисе хараппской культуры, однако, не противоречит и не исключает вторжения в долину Инда иноземных племен. В ряде центров долины Инда так называемый последний период — период внутреннего упадка — сопровождался борьбой хараппцев с пришлыми племенами. Это проявляется, например, в укреплении оборонительной системы, в создании специальных построек для отражения нападения врага²⁹ и т. д. Изучение системы укреплений Хараппы привело М. Уилера к выводу, что в поздний период истории города население находилось в оборонительном положении³⁰. С. Пиггот обратил внимание на тайники с драгоценностями в поздних слоях Мохенджо-Даро, что указывает, по его мнению, на наступление тревожных времен³¹. Естественно, что внутренний кризис облегчал проникновение в долину Инда иноземных племен.

Решение вопроса об этнической принадлежности первых пришельцев в индские города связано с анализом нехараппского материала в каждом из центров-городов. Наиболее обширны сведения по Мохенджо-Даро, Хараппе, Чанху-Даро.

Последний период в Мохенджо-Даро связан со странным, на первый взгляд, усилением контакта с культурами Южного Белуджистана,

²⁵ См. S. R. Rao, *New Light on Indus Valley civilization*, стр. 3—8.

²⁶ «*Indian Archaeology*», 1957—1958; стр. 12; 1958—1959, стр. 13—15.

²⁷ K. N. Puri, *Lothal, an Indus Valley site in Saurashtra*, стр. 56.

²⁸ S. R. Rao, *Указ. раб.*, стр. 7—8.

²⁹ M. Wheeler, *Harappa*, 1946, стр. 74; С. К. Дикшит, *Указ. раб.*, стр. 349—351.

³⁰ M. Wheeler, *Harappa*, 1946, стр. 74.

³¹ S. Pigott, *Prehistoric India*, стр. 227.

главным образом с Кулли, что выражается в появлении керамики, и каменных сосудов белуджистанских типов³². Трудно представить, что в этот нелегкий для индского населения период вновь расцвела торговля с поселениями Белуджистана. По-видимому, усиление белуджистанских влияний было связано с проникновением в долину Инда (и в частности, в Мохенджо-Даро) каких-то племен из Южного Белуджистана.¹ Причины такого движения в настоящее время не выяснены; можно предполагать, что имело место давление на них передвигавшихся с запада племен, в том числе и арийских. Возможно также, что это было лишь нападение одного из племен соседнего Белуджистана. В пользу этого говорят обнаруженные на улицах Мохенджо-Даро несколько групп скелетов, положение которых свидетельствует о насильственной смерти людей³³. Некоторые исследователи (например, М. Уилер, С. Дикшит) считают покойников жертвами мощного потока арийских завоевателей³⁴, однако наиболее правдоподобной представляется связь этого события в истории Мохенджо-Даро с пришельцами из соседнего Белуджистана³⁵.

Своеобразная культура (так называемая культура могильника «Н») ³⁶, отличная от обнаруженной в Мохенджо-Даро, была открыта в послехараппских слоях собственно Хараппы. Сравнение материалов хараппского могильника «R37» и могильника «Н» позволяет рассматривать культуру могильника «Н» как послехараппскую по времени и нехараппскую в своей основе. Большие различия существуют, например, между обрядами захоронения носителей обеих культур. Резко отлична от хараппской и керамика могильника «Н»: сильно обожженная, красная, с зооморфным орнаментом³⁷. В целом сведения о культуре могильника «Н» пока весьма малочисленны: кроме Хараппы, можно указать еще лишь на два поселения центральной части долины Инда (Луреват и Ратха Тхери), при раскопках которых она была обнаружена. В самой же Хараппе эта культура прослежена на очень ограниченной территории. Носители культуры могильника «Н» возводили свои грубые, построенные в один кирпич жилища часто на развалинах хараппских строений³⁸. Непосредственного взаимодействия носителей культуры могильника «Н» с хараппцами не обнаружено. Более того, раскопки 1946 г. доказали наличие определенного временного разрыва между последним этапом в истории Хараппы и периодом, связанным с приходом в город носителей культуры могильника «Н»³⁹. Можно думать, что их появление в Хараппе относилось ко времени, когда город уже был оставлен хараппцами. Данное заключение может служить еще одним аргументом против традиционной точки зрения о непосредственной взаимосвязи упадка хараппской культуры с пришлыми племенами,

³² S. Piggott, Указ. раб., стр. 221; K. Deva, D. McCown, Further Exploration in Sind, «Ancient India», 1949, № 5, стр. 70, табл. VI; D. H. Gordon, The Pottery Industries of Indo-Iranian Border, стр. 162.

³³ См. Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, стр. 37.

³⁴ Для таких выводов нет достаточных оснований, поскольку наличие лишь нескольких групп скелетов в таком огромном городе, как Мохенджо-Даро, не является доказательством общей резни, которую будто бы учинили в индских городах арийские пришельцы. По приблизительным подсчетам, население Мохенджо-Даро должно было быть не менее 100 тыс. человек. См.: B. K. Chatterjee, The Date and Character of the Indus Civilization. «The Journal of the Bihar Research Society», 1956, т. XLII, № III—IV, стр. 390—391.

³⁵ S. Piggott, The Chronology of Prehistoric north-west India, «Ancient India», N 1, 1946, стр. 11; M. Wheeler, The Indus Civilization, стр. 49—51.

³⁶ M. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 65, 74.

³⁷ См.: M. S. Vats, Excavations at Harappa, т. 1—2, Delhi, 1940; M. Wheeler, Harappa, 1946.

³⁸ См.: M. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 65, 74.

³⁹ См. M. Wheeler, Указ. раб., стр. 74; его же, The Indus Civilization, стр. 50; A. Ghosh, On the Prehistoric Harappa Civilization, «Indo-Asian Cultures», 1959, № 8, стр. 166.

сопоставляемыми, как правило, с арийцами. Такая точка зрения была высказана и в отношении культуры могильника «Н»: по М. Уилеру, создателями этой культуры были племена ведических ариев, разрушивших города долины Инда⁴⁰. Однако идентификация М. Уилера встречает серьезные возражения⁴¹: уже отмеченную чрезвычайную узость территориальных границ распространения культуры могильника «Н» трудно согласовать с представлением о вторжении арийских племен. Кроме того, рассматриваемая культура совершенно отсутствует в тех районах, где принято располагать племена ведических ариев⁴².

Естественно полагать, что появление культуры могильника «Н» в Хараппе и двух других пунктах связано с проникновением в долину Инда небольшой группы племен, об этнической принадлежности которых судить в настоящее время крайне затруднительно⁴³.

Совершенно иная послехараппская культура — культура Джукар — засвидетельствована в ряде поселений Синда. Ее взаимоотношения с хараппской культурой наиболее отчетливо прослеживаются в Чанху-Даро, небольшом поселении к юго-востоку от Мохенджо-Даро. Первые три периода (Чанху-Даро IА, IВ, IС) относятся к собственно хараппской культуре, затем после большого перерыва появляется культура типа Джукар (Чанху-Даро II), известная по находкам одноименного поселения в Синде. Раскопки Э. Маккея показали, что создатели культуры Джукар появились в Чанху-Даро через 600 лет после того, как город был покинут хараппцами⁴⁴, по-видимому, из-за наводнения. Таким образом, конец хараппской культуры и в Чанху-Даро не был обусловлен или связан с приходом иноземных племен — носителей культуры Джукар.

Культура Джукар отмечена рядом особенностей, отличающих ее от хараппской культуры и сближающих с культурами Белуджистана и Ирана. Керамика Джукара более грубая и пористая, чем хараппская, значительно хуже обожжена; орнамент (преимущественно геометрический) нанесен черной или красной краской. Хараппская же керамика, как известно, монохромная⁴⁵.

⁴⁰ См.: М. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 82.

⁴¹ См.: Г. М. Бонгард-Левин и Д. В. Деопик. Новые материалы по древнейшей истории Индии, «Вестник древней истории», 1957, № 2, стр. 192.

⁴² A. Ghosh, The Rajputana Desert, its Archaeological Aspect, «Bulletin of the National Institute of Sciences», 1952, т. 1, стр. 37—42; его же, Exploration in Bikaner, «East and West», 1953, т. IV, № 1, стр. 31—34; N. P. Banerjee. Annual Bibliography of Indian Archaeology, стр. XXI; B. B. Lal. Protohistoric Investigation, «Ancient India», 1953, № 9, стр. 88.

⁴³ Антропологический материал из могильника «Н» в Хараппе изучен недостаточно и полностью еще не опубликован. Б. Лал ссылается на наличие арменоидных и протоавстроидных черт у создателей культуры могильника «Н» (см.: B. B. Lal, Protohistoric Investigation, стр. 88), однако такое определение слишком общо и не может в какой-либо степени разрешить проблему этнической принадлежности носителей культуры могильника «Н». Большой интерес представляет наличие некоторого сходства между культурами могильника «Н» и Кулли (см.: S. Piggett, Dating the Hissar Sequence — the Indian evidence, «Antiquity», т. XVII, № 162, стр. 179). Возможно, что в данном случае, как и в Мохенджо-Даро, мы имеем дело с культурой, носители которой проникли в долину Инда из областей Белуджистана.

⁴⁴ По мнению Маккея, этот разрыв исчисляется примерно в 600 лет. См.: E. Mackay. Chanhu-Daro Excavations, 1935—36, «American Oriental Series», т. 20, New Haven, 1943. Иную позицию занимает М. Уилер, считающий, что здесь существовал очень небольшой временный интервал (M. Wheeler, The Indus Civilization, стр. 44). Е. Росс и Д. Маккаун считают, что культура Джукар являлась прямым наследником хараппской культуры (см.: E. J. Ross, D. E. McCown. A chalcolithic site in Northern Baluchistan, «Journal of the Near Eastern Studies», 1944, т. V, № 4, стр. 287).

⁴⁵ О различиях между керамикой обеих культур подробнее см.: E. Mackay, Chanhu-Daro Excavations, стр. 24, 103—104. При резком различии керамики обеих культур имело место, по-видимому, и определенное заимствование джукарами ряда форм и типов у хараппцев. Однако это не дает еще оснований считать Джукар прямым наследником хараппской культуры.

Уже М. Маджумдар указывал на сходство между керамикой Джукара и Амри⁴⁶. Еще более близкие аналогии можно найти в керамике Белуджистана⁴⁷. Значительное сходство прослеживается между керамикой Джукара и керамикой из Могхул-Гхундай, Шахи-Тумп и т. д.⁴⁸ Можно предполагать, что в поздний период жизни хараппских городов небольшая по численности группа племен, тесно связанная с областями Белуджистана⁴⁹, проникает в Синд и оседает в ряде поселений долины Инда, уже покинутых хараппцами (например, Чанху-Даро), или где хараппская культура окончательно клонится к упадку⁵⁰.

Такая картина хорошо согласуется с данными, которые известны и из некоторых других городов и поселений долины Инда (Хараппа, Мохенджо-Даро).

По мнению ряда исследователей (например, Р. Гейне-Гельдерна⁵¹ и В. Ферсервиса⁵²), создателями культуры Джукар были арийцы, которые и разрушили хараппские города долины Инда. С этой точкой зрения нельзя согласиться. Отождествление джукарцев, культура которых прослеживается лишь в трех поселениях Синда, с культурой ведических ариев противоречит многим материалам и плохо согласуется по времени и по территориальному охвату с так называемым арийским вторжением⁵³. Очевидно, перед нами одна из волн двигавшихся с запада племен (возможно, из Ирака)⁵⁴, на которых уже могли оказывать определенное давление индоарийские (или индоиранские) племена. О многократных перемещениях племен свидетельствуют и материалы из Белуджистана, в различных районах которого в этот период прослеживается частая смена культур (например, Периано Гхундай, Рана Гхундай, Шахи Тумп, Дабар Кот и т. д.)⁵⁵. Сопоставление этих сходных

⁴⁶ См.: M. C. Majumdar, *Explorations in Sind*, «Memoires of the Archaeological Survey of India», № 48, 1934, стр. 26—81.

⁴⁷ S. Pigott, *Prehistoric India*, стр. 222—223. Согласно С. Пигготу, керамика Джукара включает различные элементы, в которых определяющими являются мотивы керамики Кулли. В Лохуджо-Даро в слое культуры Джукар Маджумдар (указ. раб., стр. 57) обнаружил обломки керамики типа «Наль».

⁴⁸ Керамические и фаянсовые печати, металлические изделия Джукара находят близкие аналогии в Шахи-Тумпе. По мнению ряда исследователей, обе культуры примерно одновременны и относятся к первой половине II тысячелетия до н. э. (см.: S. Pigott, *The Chronology of the Prehistoric north-west India*, «Ancient India», 1946, т. I, стр. 18; его же, *Prehistoric India*, стр. 223; B. B. Lal, *Prehistoric Investigation*, стр. 89).

⁴⁹ Вопрос о происхождении культуры Джукар и этнической принадлежности ее создателей еще ждет своего окончательного разрешения.

⁵⁰ Возможно, что близость между культурами Джукара, Шахи-Тумпа, Рана Гхундай IV и т. д. обязана одному и тому же процессу — проникновению племен с запада в Белуджистан и Синд. Печати-пуговицы и проушные топоры, характерные для культуры Джукар, по мнению Г. Чайльда, были введены в Индии северо-западными пришельцами. Близкие аналогии Г. Чайльд находит в Северном Иране, высказывая мысль, что «среди „варваров“, уничтожающих хараппскую цивилизацию, были, очевидно, захватчики из северо-западного Ирана» (см.: Г. Чайльд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, стр. 284—285).

⁵¹ R. Heine-Geldern, *The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization*, «Man», 1956, т. LVI, стр. 136—140.

⁵² W. Fairervis, *The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasions*, «Man», 1956, т. LVI.

⁵³ Культура Джукар не отвечает двум условиям, предъявляемым к культуре индоарийских племен в Индии, на которые справедливо указывает А. Гхош: 1) датировка — вторая половина II тысячелетия — первая половина I тысячелетия; 2) район распространения — область, колонизованная индоарийцами (Брахмаварта и Брахмаршидеша); см.: A. Ghosh, *A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology*, «Indologien-Tagung, 1959», стр. 46.

⁵⁴ В. Ферсервис, отождествляя джукарцев с арийцами, пытается наметить путь движения носителей культуры Джукар в Индию: из Восточного и Южного Афганистана через Гомельский перевал в долину Зохба и оттуда в Синд (см.: W. Fairervis, *The Chronology of the Harappan Civilization*, стр. 155—156).

⁵⁵ См.: A. Stein, *An Archaeological Tour in Waziristan and Northern Baluchistan*, «Memoirs of the Archaeological Survey of India», № 37, Calcutta, 1929; его же, *An*

культур с культурами Ирана и Передней Азии позволяет датировать их появление в Белуджистане и Синде приблизительно первой половиной II тысячелетия до н. э. (наиболее вероятна дата 1800—1600 гг. до н. э.)⁵⁶, что согласуется с датировкой периода внутреннего упадка хараппских городов. Именно в этот период ослабления центров индской цивилизации небольшие этнически различные группы пришлых «варварских» племен и смогли проникнуть в некоторые города долины Инда⁵⁷.

Приведенные материалы свидетельствуют, таким образом, о том, что в большинстве поселений и городов хараппской цивилизации упадок хараппской культуры не был вызван вторжением иноземных племен, в том числе и индоарийских. Лишь в ряде городов долины Инда небольшие группы первых пришельцев довершили уже начавшийся ранее внутренний упадок хараппской культуры. Внутренний кризис хараппской культуры, по-видимому, представлял собой общий процесс, охватывавший хараппскую цивилизацию в целом. Каковы были его причины, сказать в настоящее время трудно.

Можно думать, что определенное влияние на внутреннее положение хараппских поселений, в первую очередь торговых городов, оказало изменение политической карты Передней Азии и движение на восток индоевропейских племен. Это привело к нарушению нормальной торговли индских городов с Западом (в том числе с государствами Двуречья). В провинции, по имеющимся материалам, перемены ощущались значительно меньше и не так болезненно. Даже после падения основных центров — Мохенджо-Даро и Хараппы — многие провинциальные поселения и даже города продолжают существовать и приспособляются к новым условиям, видоизменяя свою культуру. Слабость хараппских городов, переживающих внутренний кризис, при появлении иноземных племен легко вела к полному упадку. Для этого не требовалось мощной лавины пришельцев. Археологические материалы рисуют весьма пеструю картину заключительных этапов истории хараппских городов, свидетельствуя о появлении различных и сравнительно небольших групп пришлого населения в некоторых городах долины Инда. Первые пришельцы, одновременно проникавшие в долину Инда, не принадлежали к единой этнической группе. В различных городах послехараппские по времени и нехараппские в своей основе культуры отличаются друг от друга: в одних — это культура, очень близкая к южнобелуджистанским культурам; в других — это — «типичноварварская»⁵⁸ культура типа Джукар, в третьих — культура могильника «Н», связанная, по-видимому, также с Белуджистаном.

В свете новых материалов, таким образом, следует отказаться не только от традиционной точки зрения о гибели хараппской культуры в целом, но и от вывода о непосредственной связи упадка якобы цветущей

Archaeological Tour in Gedrosia, «Memoirs of the Archaeological Survey of India», № 43, Calcutta, 1931; E. J. Ross, A Chalcolithic Site in Northern Baluchistan; B. de Cardi, A New Prehistoric Ware from Baluchistan, «Iraq», т. III, ч. 2, 1951; его же, New wares and fresh problems from Baluchistan, «Antiquity», 1959, т. 33, № 159; W. Fairervis, Archaeological Surveys in the Zhob and Loralai districts, New York, 1959.

⁵⁶ S. Piggett, Dating the Hissar Sequence — the Indian Evidence, стр. 179—181; B. B. Lal, Protohistoric Investigation, стр. 88—91; см. также: D. H. Gordon, Sialk, Giyan, Hissar and the Indo-Iranian connection. Перемещения и вторжения различных этнических групп засвидетельствованы в Белуджистане и в более поздний период.

⁵⁷ Об этом свидетельствует также значительное увеличение в поздних слоях ряда хараппских центров предметов иноземного производства. Эти вещи находят прямые аналогии в культурах Ирана и Белуджистана первой половины II тысячелетия до н. э. См.: S. Piggett, Notes on certain metal pins and a mace-head in the Harappa Culture, «Ancient India», 1947—1948, № 4.

⁵⁸ Г. Чайльд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 284.

щих городов хараппской цивилизации с приходом мощного потока арийских племен.

Однако не является ли данное заключение отрицанием реальности самого факта прихода в Индию индоарийских племен?

Каким образом можно согласовать материалы о внутреннем кризисе хараппских городов и их упадке до появления иноземных племен с теорией «арийского вторжения» в Индию?

Для ответа на эти вопросы первостепенное значение имеет датировка «конца» Хараппы⁵⁹ и появления в Индии культуры, которую можно соотнести с индоарийскими племенами. В настоящее время наиболее правильным представляется отнесение «конца» городов долины Инда, в XVI в. до н. э.⁶⁰, памятуя при этом, что упадок хараппских поселений протекал в разных районах неодинаково и, по-видимому, неодновременно. Указанная дата, наиболее справедливая для индских центров хараппской культуры — Хараппы и Мохенджо-Даро, устанавливается как благодаря находкам индийских вещей в Двуречье и месопотамских изделий в долине Инда, так и на основе спектрального анализа сегментированных фаянсовых бус из Кносса (Крит), обнаруженных в верхних слоях Хараппы⁶¹. Датируя «конец» Хараппы серединой II тысячелетия до н. э.⁶² и непременно связывая ее повсеместное, по их мнению, падение с «арийским нашествием», исследователи сталкивались с серьезными затруднениями, поскольку солидные доказательства прихода в этот период в Индию индоарийских племен привести весьма затруднительно. Наряду с этим материалы лингвистики (главным образом данные по Передней Азии)⁶³ и археологии говорят о возможном

⁵⁹ Мы имеем в виду в данном случае датировку заключительных этапов собственно хараппской культуры, когда индские города переживали период внутреннего упадка.

⁶⁰ Серединой II тысячелетия до н. э. датируют это событие многие исследователи, см.: М. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 81—83; его же, The Indus Civilization, стр. 90—93; Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, стр. 136; В. В. Струве, Предисловие к русскому переводу книги Маккея, указ. изд., стр. 14; D. H. Gordon, The early use of metals of India and Pakistan, «Journal of the Royal Anthropological Institute», т. LXXX, 1950, стр. 56; его же, The Pottery Industries, стр. 170—171.

⁶¹ J. E. S. Stone, A second fixed point in the chronology of the Harappa Culture, «Antiquity», 1949, т. XXIII, № 92, стр. 201—204. Интересны в данной связи и материалы из Лотхала, свидетельствующие о прекращении связей города с долиной Инда после середины II тысячелетия до н. э. Это было связано, по-видимому, с упадком в этот период хараппских центров в долине Инда, что позволяет этим временем датировать и заключительные этапы жизни индских городов, см.: S. R. Rao, New Light on Indus valley Civilization, стр. 7—8.

⁶² Некоторые ученые, например А. Пусалкер и Э. Маккауэн, отстаивают старую дату — конец III тысячелетия до н. э.; см. «The History and Culture of Indian peoples», т. I, Calcutta, 1950, стр. 192; E. McCown, Relative Stratigraphy and Chronology of Iran в кн.: R. Ehrich, Relative Chronology in Old World Archaeology, Chicago, 1954, стр. 61. Датировка Маккауэна была подвергнута справедливой критике в статье: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Вопросы относительной хронологии Старого Света, «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 258.

⁶³ Лингвистические материалы свидетельствуют о появлении (или наличии) в Передней Азии значительного индоарийского (или, что менее вероятно, еще индоиранского) этнического элемента. См. N. D. Mironov, Aryan Vestiges in the Near East of Second Millenary B. C. «Acta Orientalia», 1933, т. XI, стр. 140—217; S. Konow, The Aryan gods of the Mitanni people, «Royal Frederik University», Publications of the Indian Institute Rustiana, 1921; его же, Mitanni, Iran and India, «Dr. J. Modi Memorial Volume», стр. 81—94; W. Brandenstein, Die alten Inder in Vorderasien und die Chronologie des Rigveda, Frühgeschichte und Sprachwissenschaft, Wien, 1948, стр. 134—145; M. Mayerhofer, Die Induskulturen und ihre westlichen Beziehungen, «Saeculum» 1951, т. II, № 2; его же, Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien, Die Sprache, т. V, стр. 74—95; K. Jarits, Die Kassitischen Sprachreste, «Anthropos», 1957, т. 52, № 5—6, стр. 850—898; H. Kronasser, Indisches in den Nuzi-Teguten, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», 1957, т. 53, № 3-4, стр. 181—182 и др. Некоторые авторы довольно определенно решают вопрос о наличии индоарийского или индийского этнического элемента (см., например: P. Thieme, The «Aryan» gods of the Mittani Treaties, «Journal of the American Oriental Society», 1960, т. 80, № 4, стр. 301—316). Указанные материалы пока не могут быть непосредственно увязаны с «вторжением арийцев» в Индию и путями этого процесса, однако они являются скорее аргументом за, чем против появления индоарийских племен в Индии в конце II тыс. до н. э.

появлении индоарийских племен в Индии на несколько веков позднее (по археологическим материалам это событие относится приблизительно к XIII—XI вв. до н. э.⁶⁴). Таким образом, совершенно очевиден значительный временный разрыв между упадком ряда хараппских городов долины Инда и появлением в Индии ведических ариев. Однако исследователи, придерживаясь традиционной точки зрения об обязательной взаимосвязи «конца» Хараппы и «арийского нашествия», пытались преодолеть возникавшие затруднения, либо относя к более раннему времени появление в Индии арийских племен, либо датируя «конец» Хараппы XIII—XII вв. до н. э. (например, Р. Гейне-Гельдерн и В. Ферсервис)⁶⁵. Оба пути крайне искусственны и не находят поддержки ни в археологических, ни в лингвистических материалах⁶⁶. Выход из этого лишь внешнего затруднения один: отказаться от традиционной точки зрения о «гибели» хараппской цивилизации и хараппских центров долины Инда под ударами ведических ариев и признать наличие значительного временного разрыва между обоими событиями, хорошо прослеживаемого на археологическом материале. Такое заключение ни в коей мере не отрицает и не противоречит проникновению индоарийских племен в Индию, реальность которого не вызывает в настоящее время никаких сомнений. «Арийское нашествие» в Индию представляло собой волнообразное и неодновременное проникновение различных индоарийских племен, общие черты культуры которых в Индии засвидетельствованы лишь в XII—XI вв., т. е. через несколько столетий после упадка главных центров индской цивилизации. В XI—X вв. отдельные группы индоарийских племен, проникшие в Индию, складываются в единую общность, с единой археологической культурой. Этим же периодом датируется в настоящее время и оформление в единое собрание — Ригведу разрозненных гимнов ведических ариев. Еще в 20—30-х годах лингвисты на основе анализа данных Ригведы очертили примерный район распространения ведических племен эпохи сложения и оформления Ригведы — Восточный Пенджаб (преимущественно его северо-восточные районы)⁶⁷. Теперь эти выводы находят блестящее подтверждение в материалах археологии: примерно в этом же районе обнаружена послехараппская культура с единым комплексом материала, нижняя граница которой датируется XII—X вв. до н. э. — так называемая культура серой расписной керамики⁶⁸. Эта культура,

⁶⁴ См.: G. Contenau, *La civilisation iranienne*, Paris, 1952, стр. 43—45; C. Schaeffer, *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale*, London, 1948. Появление арийцев в Индии на основе археологического материала Р. Гейне-Гельдерн относит к XII—X вв. до н. э. (см.: R. Heine-Geldern, *The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization*). Согласно новым исследованиям, древнейший памятник арийских племен в Индии — Ригведа датируется примерно X в. до н. э. (см.: «History and Culture of Indian People», 1951, т. I, стр. 203).

⁶⁵ R. Heine-Geldern, *The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization*; W. Fairervis, *The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasions*.

⁶⁶ V. Milošič, *Chronologie der Jüngerer Steinzeit Mittel- und Südosteuropas*, Berlin, 1949. Подробный разбор статьи Р. Гейне-Гельдерна дан Д. В. Деопиком и Н. Я. Мерпертом, см. «Сов. Археология», 1957, № 4, стр. 198—211.

⁶⁷ A. Woolner, *The Rigveda and the Punjab*, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», т. VI, стр. 540—554; H. Chakladar, *Aryans in Eastern India in Rigvedic Age*, «Modern Review», 1930, январь, стр. 40—44; его же, *Eastern India and Aryavarta*, «Indian Historical Quarterly», т. IV, стр. 84—101. Кейс располагал их в районе Амбалы, см.: «The Cambridge History of India», 1922, т. I, стр. 78.

⁶⁸ B. B. Lal, *Excavation at Hastinapura and other Explorations in the Upper Ganga and Sutlej basins*, 1950—1952, «Ancient India», 1954—1955, т. 10—11; его же, *The Painted Grey Ware of the Upper Gangetic basin: an approach to the problems of the Dark Age*, «Journal of the Asiatic Society of Bengal», 1950, т. XVI, нов. серия. По мнению Б. Лала, серая расписная керамика находит аналогии в керамических изделиях Ирана и Сеистана (B. Lal, *Excavation at Hastinapura*, стр. 147).

таким образом, полностью отвечает двум условиям, предъявляемым к культуре, сопоставляемой с индоарийскими племенами⁶⁹: она распространена на территории дальнейшего расселения арийцев и датируется концом второй половины II тыс. — началом I тыс. до н. э.⁷⁰

Итак, представляется возможным соотнести индоарийские племена эпохи сложения Ригведы с культурой серой расписной керамики⁷¹. Это заключение хорошо согласуется с приведенными выше материалами о существовании значительного временного разрыва между внутренним упадком хараппской культуры и появлением в Индии ведических ариев. На ряде поселений Восточного Пенджаба, верховий Ганга и Джамны, где обнаружены и хараппская культура, и культура серой расписной керамики, между обеими культурами прослеживается значительный перерыв. Таковы результаты раскопок в Рупаре⁷², Котланиганге⁷³, Аламгирпуре⁷⁴, в районе Биканера⁷⁵. До сих пор еще не обнаружено ни одного поселения, где бы культура серой расписной керамики залегала непосредственно над слоем с хараппской культурой. В этом нет ничего удивительного, поскольку между упадком хараппских поселений и появлением ведических ариев существовал значительный перерыв. Для Котланиганга, например, Б. Лал определяет его в 500—400 лет⁷⁶, что хорошо согласуется с датировкой упадка ряда главных хараппских поселений (примерно XVI—XV вв. до н. э.) и культуры ариев (XII—XI вв. до н. э.). Возможно, что в будущем будут найдены поселения, где культура серой расписной керамики будет непосредственно залегать над культурой, связанной еще с хараппской культурой. Но-

⁶⁹ A. Ghosh, A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology, «Indo-Iogen-Tagung, 1953», стр. 46.

⁷⁰ Лишь последнему условию отвечает послехараппская культура Джангар, обнаруженная, однако, только в нескольких поселениях небольшого района Синда. В Чанху-Даро эта культура представлена слоем, залегающим над культурой Джукар. Как показали раскопки, небольшая по численности группа людей — создателей культуры Джангар оккупировала город уже после того, как он был оставлен джукарцами. Вскоре совершенно исчезли и следы пребывания в Чанху-Даро джангарцев (см.: E. Mackay, Chanhru Daro Excavations, стр. 23—24). Сведения о культуре Джангар весьма фрагментарны и явно недостаточны для того, чтобы решать вопрос об отождествлении создателей этой культуры с арийскими племенами (см.: N. Majumdar, Explorations in Sind, стр. 68—70, 151—155 и др.; С. К. Дикшит, Введение в археологию, стр. 344; D. H. Gordon, The Pottery Industries of Indo-Iranian Border, стр. 171). Вопрос об этнической принадлежности создателей культуры Джангар требует специального изучения. Особого внимания заслуживают в данной связи материалы о связи Джангара с керамическими традициями Ирана и Белуджистана (см.: N. Majumdar, указ. раб., стр. 70). По-видимому, мы имеем дело с проникновением в долину Инда с запада небольшой группы «варварских» племен, которые продолжали вторгаться в Индию в течение нескольких веков после упадка основных центров хараппской цивилизации. По мнению Э. Маккея, джангарцы были местным племенем с примитивной культурой (E. Mackay, указ. раб., стр. 133). Сопоставление культуры Джангар с культурами Средней Азии также показывает, что «культура Джангар отражает для Индии дальнейшие судьбы той культуры «варварской» оккупации, явные следы которой обнаружены теперь на целом ряде памятников вдоль северных окраин Иранского плоскогорья» (см. С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема Суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 35).

⁷¹ На возможность такого сопоставления впервые указал Б. Лал, которого поддерживали А. Гхош и другие индийские археологи. Н. Банерджи, отмечая ряд данных о связи арийцев с культурой серой расписной керамики, считает в целом эту проблему нерешенной загадкой, поскольку существует явный разрыв между хараппской культурой и культурой серой расписной керамики (см.: N. P. Banerjee, Annual Bibliography of Indian Archaeology, стр. XXIV). Банерджи, подобно многим другим исследователям, придерживается традиционной точки зрения об обязательной взаимосвязи «конца» Хараппы с приходом арийцев. Поэтому эта важнейшая проблема древнеиндийской истории остается для них загадкой.

⁷² «Indian Archaeology», 1953—1954, стр. 6; A. Ghosh, A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology, сmp. 51—53.

⁷³ B. B. Lal, Excavation at Hastinapura, стр. 24.

⁷⁴ «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 53—55.

⁷⁵ A. Ghosh, Exploration in Bikaner, стр. 34.

⁷⁶ B. B. Lal, Excavation at Hastinapura, стр. 24.

вые раскопки индийских археологов показали, что после падения основных центров долины Инда хараппские поселения Саураштры и Катхиаварского полуострова продолжали существовать в несколько видоизмененном виде и развивать свою культуру. Можно допустить, что и в районе распространения культуры серой расписной керамики некоторые хараппские поселения после гибели индских центров продолжали существовать вплоть до XII—XI вв., приспособив к новым условиям свою культуру. Последующие исследования должны решить этот вопрос.

В настоящее же время не представляется возможным говорить о прямой связи хараппских поселений с арийскими племенами: лишь на ряде поселений Восточного Пенджаба, верховий Ганга и Джамны, связанных в прошлом с хараппской культурой, примерно через 400—500 лет после упадка здесь хараппских поселений, появляется культура индоарийских племен — культура серой расписной керамики.

Наличие значительного перерыва во времени между внутренним кризисом хараппской культуры и приходом в Индию индоарийских племен является своего рода ответом на одну из загадок древнеиндийской истории и культуры — отсутствие значительного влияния хараппской культуры на последующие культуры индоарийских (индийских) народов Индии. Соотнесение ведических ариев с культурой серой расписной керамики позволяет поставить вопрос о путях проникновения в Индию индоарийских племен. Ареал распространения этой культуры, изучение топонимики и гидронимики Ригведы, а также отсутствие в районах нижнего и среднего течения Инда каких-либо элементов культуры серой расписной керамики или культур, которые можно было бы связать с ее создателями — ведическими ариями, — все это свидетельствует в пользу северного пути движения индоарийских племен в Индию, вероятней всего, через северный Иран и северный Белуджистан. Это позволяет говорить о том, что ведические арии не были даже территориально связаны с основными районами хараппской цивилизации. Проникнув в Индию из северо-западных районов, индоарийские племена оккупировали Восточный Пенджаб и верховья Ганга, т. е. области, которые в прошлом являлись восточной периферией хараппской цивилизации. Лишь значительно позднее при расселении арийских племен из района их первоначального обитания по Индии индоарийская (индийская) культура распространяется и на долину Инда, и на другие области некогда существовавшей здесь хараппской цивилизации. К сожалению, нам очень плохо известны культуры долины Инда, синхронные по времени культуре серой расписной керамики. Лишь в Чанху-Даро была обнаружена культура Джангар, датируемая приблизительно тем же периодом. Черты сходства между обеими культурами не обнаружены. Перед нами, по-видимому, две различные и в эгническом отношении культуры, создатели которых разными путями проникают в Индию примерно в одно и то же время. Постепенное проникновение «варварских» племен из областей Белуджистана и Ирана в долину Инда прослеживается на протяжении очень длительного времени.

Новые раскопки индийских археологов позволили, однако, говорить о непосредственных предшественниках арийцев в ряде областей Джамно-Гангского двуречья⁷⁷. На этой территории вплоть до прихода арийцев обитали племена — создатели культуры «медных кладов и желтой керамики», которых можно связывать, по нашему мнению, с предками современных народов мунда⁷⁸.

⁷⁷ B. Lal, Excavation at Hastinapura; его же, Protohistoric Investigation, стр. 91—97.

⁷⁸ Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик. К проблеме происхождения народов мунда, «Сов. этнография», 1957, № 1.

В XI—IX вв. поселения предков мунда (культура медных кладов) в Джамно-Гангском двуречье перестают существовать и сменяются арийскими племенами (культура серой расписной керамики)⁷⁹, и лишь значительно позднее индоарийские племена достигают Ориссы, Западного Бенгала, Бихара, т. е. района, являющегося как бы центром древнемундских поселений.

Исследования индийских археологов показали, что арийские племена культуры серой расписной керамики занимали значительно больший район, чем восточные области хараппской цивилизации⁸⁰. Поселения этой культуры обнаружены в районе Биканера, в долине Гхаггара, в местах, связанных с событиями «Махабхараты», и т. д. Они доходят на востоке до Шравасты⁸¹, а на севере до Дели⁸². На многих поселениях этого района культура серой расписной керамики была найдена в самых нижних слоях, свидетельствуя тем самым, что носители этой культуры часто были первыми поселенцами, осваивая новые, ранее не заселенные территории⁸³.

Изучение культуры серой расписной керамики (главным образом ее ранних этапов, относящихся к XII—XI вв. до н. э.) позволяет восстановить материальную культуру индоарийских племен эпохи сложения Ригведы и основные этапы ее развития на индийской почве. Ведические арии — создатели культуры серой расписной керамики — предстают перед нами как оседлые земледельцы и скотоводы, знающие гончарный круг, а из металлов — медь⁸⁴, что согласуется с данными Ригведы. Позднее, уже на индийской почве, они начали пользоваться железом⁸⁵. В целом о культуре серой расписной керамики (особенно IX—VII вв. до н. э.) можно говорить уже как о местной культуре индийских племен, а не как об извне принесенной культуре только что вторгшихся народов⁸⁶. Показательно, что многие черты культуры серой расписной керамики легли в основу следующей за ней культуры «северной черной полированной керамики», охватившей уже значительную часть Северной Индии (VI—V вв. до н. э. — III—II вв. до н. э.). В этот период в долине Ганга возникают новые центры индийской культуры, создаются крупные государства, укрепляются экономические, торговые и культурные связи между различными областями страны. Центр индийской культуры и государственности перемещается с берегов Инда в долину Ганга.

Таковы основные материалы о заключительных этапах истории хараппской цивилизации и появлении в Индии индоарийских племен.

Восстанавливаемая картина еще далека от завершения. Необходима дальнейшая разработка ряда аспектов изучаемых проблем, необходимы

⁷⁹ Указанные материалы подтверждают изложенное выше положение о появлении в Индии арийских племен в XII—XI вв. до н. э.

⁸⁰ См.: B. Lal, Excavation at Hastinapura, карта на стр. 4.

⁸¹ A. Ghosh, A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology, стр. 46, «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 47—50.

⁸² Там же, стр. 50—55.

⁸³ A. Ghosh, Exploration in Bikaner, стр. 33; B. Lal, Excavation at Hastinapura, стр. 7.

⁸⁴ «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 2; B. Lal, Excavation at Hastinapura, стр. 12—15. Находки костей животных свидетельствуют о приручении лошади, быка, свиньи, овец и т. д.; из злаков был известен рис.

⁸⁵ В Хастинапуре в слое культуры серой расписной керамики железо обнаружено не было, однако в Аламгирпуре и Шравасты в слоях, относящихся к поздней фазе этой культуры, железо было найдено. Новые раскопки показали, что носители культуры серой расписной керамики перешли к употреблению железа только в последний период ее существования. В Хастинапуре этот этап культуры отсутствовал, так как жители из-за наводнений покинули город задолго до этого периода (см.: «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 47—55; B. Lal, Excavation at Hastinapura), стр. 12—15.

⁸⁶ Раскопки в Хастинапуре — столице Кауравов показали, что распространение культуры серой расписной керамики соответствует по времени созданию основного ядра Махабхараты (B. Lal, Protohistoric Investigation, стр. 97).

дополнения и уточнения; возможны и значительные изменения. Однако одно безусловно уже и сейчас: традиционная точка зрения о гибели цветущих городов хараппской цивилизации под напором мощного потока арийских племен требует кардинального пересмотра.

SUMMARY

The major achievements of contemporary archeology, linguistics and history have made it possible to revise the traditional view concerning the ultimate period of the Harappa civilization and the «Aryan invasion». The new materials bear witness to the internal decline and the crisis of the Harappan centres prior to the appearance of alien tribes, and in certain areas (e. g. Kathiawar Peninsula and Gujarat) without the chronological connection with it. Only in several parts of the Indus valley did the neighbouring tribes penetrating from the West (apparently tribes from Baluchistan) actually consummate the internal decline of these settlements. The penetration from the West of small groups of alien tribes took place over a lengthy period of time, beginning with the first centuries of the 2nd millennium B. C. Studies of the post-Harappa cultures in the Indus valley show that the invading tribes belonged to different ethnic groups, whose culture is closely paralleled by the cultures of Baluchistan.

The traditional view presuming a direct connection between the downfall of the Harappa culture and the powerful invasion of Vedic Aryans should now be radically reviewed. The upper limit of the culture of painted grey ware, which may be linked with the Vedic Aryans, is dated by the 11th-10th centuries B. C. This culture has been traced only in the Punjab and in the Upper Gangetic basin, where at the beginning of the 1st millennium B. C. the Rigveda was taking shape. Thus it has to be admitted that there exists a considerable chronological gap between the decline of the Harappa culture (16th century B. C.) and the culture of the Vedic Aryans (12th-11th centuries B. C.).

Direct links between the Harappa culture and that of the Vedic Aryans (the culture of painted grey ware) have not yet been archeologically traced.

Studying the culture of painted grey ware makes it possible to reconstruct the material culture of the Vedic Aryans.
